

О.Б. ЯНУШ, Н.М. МУХАРЯМОВ*

КОНЦЕПТЫ СУВЕРЕННОСТИ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ¹

Аннотация. «Суверенитет» как единица языка стремительно начинает заполнять многообразные смысловые ниши, выступая при этом в качественно различающихся семантических статусах. Традиционно терминология суверенитета увязывается с его государственными, народными и национальными версиями, с дихотомией верховенства и независимости, с распространенной таксономией С. Краснера (1) внутренний суверенитет публичной власти во взаимодействии с обществом; 2) международный суверенитет как международно-правовой принцип; 3) «вестфальский» суверенитет как равноправие игроков в международной политике; 4) суверенитет взаимозависимости как способность государства контролировать трансграничные потоки). В нынешнем публично-информационном пространстве номинации, связанные с суверенитетом (шире – свойствами суверенности), проникают в самые разные предметные области. В так называемых «экстралегальных» значениях и словосочетаниях – применительно к политическим, культурным, технологическим, гносеологическим, виртуальным предметам, в виде концептов, или (в отличие от терминов в строгом понимании), образований с открытыми возможностями множественных интерпретаций, с выраженными субъективными началами.

* **Януш Ольга Борисовна**, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет (Казань, Россия), e-mail: yanush_ob@yahoo.com; **Мухарямов Наиль Мидхатович**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет (Казань, Россия), e-mail: n.mukharyamov@yandex.ru

¹ Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

© Мухарямов Н.М., Януш О.Б., 2025

DOI: 10.31249/poln/2025.02.02

Здесь возникают все новые контурные схемы, концептуальные фреймы, семантические образования. Из общего корневого прототипа начинают произрастать многочисленные производные. Суверенитет в политико-языковой коммуникации перестает восприниматься как что-то само собой разумеющееся, автореферентное. Появляющиеся во множестве концепты (в отличие от юридически строгих категорий) предстают в различных семантических позициях, берут на себя оборачиваемые субъектно-предикатные роли. Наряду с политико-правовыми терминами здесь появляются концепты-переживания, концепты-события, конвенционально нагруженные символы и, наконец, эмблемы идейных диспозиций. Этот процесс разрастания смысловых нюансов и вариантов словоупотребления отмечен своей стадийностью и происходит в различных режимах. Семантическая деривация организована по правилам регулярности, логически последовательно, порождает иерархические структуры производных в их линейности. В иной версии новые концепты могут появляться и вне определенного узуса. Они, скорее, характеризуются спорадичностью, калейдоскопической ситуативностью, используются вне общепринятого значения, множатся ризоматически, проникая в контексты, которые, казалось бы, не связаны между собой. Такой режим семантической производности характеризуется как окказиональный, или обусловленный отдельными случаями. Концепты суверенности в зависимости от этого служат разноплановым целям.

Ключевые слова: суверенность; концепты; деривация; узуальное и окказиональное; дизъюнкция; экстенционал и интенционал; символы; эмблемы.

Для цитирования: Януш О.Б., Мухарямов Н.М. Концепты суверенности в семантической деривации // Политическая наука. – 2025. – № 2. – С. 41–61. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.02.02>

...в каждый данный момент сожительствоуют языки разных эпох и периодов социально-идеологической жизни. Существуют даже языки дней: ведь и сегодняшний и вчерашний социально-идеологический и политический день в известном смысле не имеют общего языка; у каждого своя социально-идеологическая, смысловая конъюнктура, свой словарь, своя акцентная система, свой лозунг, своя брань и своя похвала.
М.М. Бахтин

Введение

В той реальности, которую вслед за М.М. Бахтиным можно назвать «словесно-идеологической» [Бахтин, 1975, с. 87], необычайную распространенность получают сегодня семантические средства, связанные с проблематикой суверенитета. «Суверенитет» выступает в чрезвычайно множественных ипостасях и лингво-

коммуникативных статусах: от конституционно-правовой формулы и аналитического фрейма и до хештега, мема. При этом обнаруживаются «сквозные» поливалентные эффекты, проникновение в самые что ни на есть разнородные области, вхождение в столь же разные лексические коллокации, – или «совместную встречаемость»: от цивилизационного и экологического до продовольственного и лекарственного. Диахроническая семантика этого понятия показывает особую множественно-смысловую природу, всякий раз по-разному проявляющуюся то в виде ди- или триады, то в виде сложносоставной структуры категориальных признаков.

Предлагаемая статья в предметном плане ориентирована на рассмотрение, во-первых, исторических предпосылок того, как «суверенитет» претерпел в дискурсивном пространстве радикальный поворот в сторону семантической вариативности, и, во-вторых, на сравнение различных версий того, как множатся концептуальные обличья суверенитета – в каскадном режиме и в виде иерархических сетей или, напротив, в режиме произвольного конфигурирования знаков.

В плане некоторых предваряющих соображений следует обратить внимание на следующее.

Первое. В исследовательском поле суверенитет понимается по-разному, в зависимости от предметных ракурсов и теоретических ориентаций. Для правоведов-международников, как поясняет один из наиболее цитируемых исследователей С. Краснер, суверенитет постулируется через понимание отдельного государства как краеугольного камня в системе международных отношений подобно тому месту, которое занимает индивид в либеральных политических теориях. В понимании школ международно-политической мысли реализма и неореализма суверенитет – это онтологическая данность. В теоретических структурах знания о политическом – это «аналитический постулат», согласно которому государства выступают как рациональные, унитарные и независимые акторы, «обладающие правом и возможностью вступать друг с другом в договорные отношения» [Krasner, 2001, p. 5]. В области социологии суверенитет предстает в виде «сценария», или «когнитивной карты», что не предполагает каких-то предписаний. С позиций сторонников конструктивистской парадигмы суверенитет проблематичен и не может быть чем-то самим собой разумеющимся. В этой проекции суверенитета «структуры и агенты постоянно реконституируют друг друга» [Krasner, 2001, p. 6].

Второе. Речь далее пойдет преимущественно о концептах. Термин – это категориальная единица, претендующая на точное отображение существенных признаков объекта. Поэтому формально-логически, одному референту правовой реальности соответствует однозначный семантический знак.

В рассматриваемом контексте первостепенное значение приобретает принципиальное различие между двумя когнитивными статусами. В отличие от термина (того, что должно обладать строгостью), концепт – это продукт авторско-индивидуального понимания, когда в объективном отражении существенных признаков предмета не менее важная роль отводится мнению. Там, где речь идет об онтологической данности нормативного установления, место есть для термина в единственном числе. Концептов же, напротив, может быть много. Суверенитет как формально-нормативная субстанция государственности либо наличествует, либо нет. Суверенность в переносных смыслах – применительно, например, к метафизическим сущностям, напротив, может отражаться посредством множественных концептов.

Вслед за Делёзом и Гваттари в работах российских авторов концепты трактуются как порождающие модели языка и «кванты смысла», как единицы поведения. Концепты в таком понимании – это нечто творимое. Они не соотнесены непосредственно с объектами действительности, то есть автореферентны. Тем самым они представляют собой не экстенционал («объектный язык», предметное содержание, референция), но интенционал (метаязык, смысловое значение и смысл в коммуникации) (см.: [Неретина, Огурцов, 2011, с. 182, 186]). В принципе лексическая семантика, как разъясняет М. Кронгауз, «по преимуществу интенциональна, она описывает не отношения слов с внешним миром, а, скорее, свойства, ими выражаемые... в первую очередь то, что слова значат, а не то, что они обозначают во внешнем мире» [Кронгауз, 2001, с. 131]. Если понятие, как разъяснял Ю.С. Степанов, «определяется», концепт же «переживается» [Степанов, 2007, с. 20]. В близкой манере высказывается Ф. Гиренок: «Чтобы получился концепт, нужен хорошо обоснованный вымысел. И тогда концепт становится точкой сингулярности сознания, его индивидуальной неповторимостью. И под концептом можно ставить подпись» [Гиренок, 2025, с. 45]. В отличие от понятий-терминов, поддающихся дефинициям, обрамляющих значения и подводящих итог постижения предметов, или терминов с их устойчивой однозначностью и когнитивной определенностью концепты включают факультативные – с точки

зрения формальной логики – моменты: ассоциации, индивидуально и культурно обусловленные особенности использования.

Третье. Различая субстантивно-функциональные моменты суверенитета, с одной стороны, и его знаково-ценностные аспекты – с другой, следует прибегнуть к еще одной аналитической процедуре – учесть принципиальную разницу в уровнях символической и эмблематической презентаций. С точки зрения лингвосемиотики, как отмечает В.И. Карасик, символ противоположен эмблеме, которая выполняет такие функции, как «идентификация, информационное дублирование, упрощение содержания». При этом предполагается, что сигналы опознаются как однозначные. «Эмблема узнается, а символ требует разгадки... Эмблема представляет собой указание посредством образа на ту или иную референтную группу либо ситуацию, не требует развернутой интерпретации, направлена на выработку немедленной реакции на определенный стимул, в максимальной мере соответствует канонам массового сознания и массовой культуры» [Карасик, 2010, с. 33, 46]. Иначе говоря, языковые единицы, образуемые с использованием словаря суверенности, существенно разнятся и семантически, и прагматически. Эти единицы присутствуют в различных сочетаниях, синтаксических конструкциях (логическое подлежащее или логическое сказуемое), имеют различное предназначение в различных контекстах.

Наконец, самое, пожалуй, существенное из вводных соображений: редко какая из знаково-словесных единиц в политическом словаре обладает, по сравнению с «суверенитетом», такими же свойствами «семантической чувствительности» [Bartelson, 2008, p. 36]. Сама феноменология суверенности иногда рассматривается в контексте лингвистического поворота, анализируется как языковой акт с соответствующими перформативами, перлокуцией [Walker, 2008, p. 26]. В предметном поле конституционного права категория суверенитета наделена высокой значимостью. Одна из последних поправок в Конституцию Российской Федерации, принятая по Закону от 14 марта 2020 г., содержит в ст. 67, п. 2, формулу «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности». Однако при этом специальной *дефиниции* эта категория не получает. Иначе говоря, в своем терминологическом статусе суверенитет относится, скорее, к доктринальной разновидности правовых положений. Это предполагает особую роль авторитетных суждений правоведов и правовых учений, которые могут быть официально санкционированы государством, то, на что можно ссылаться. С другой сторо-

ны, здесь остается возможность оспаривания, выбора интерпретаций. Эта ситуация в правоведении связана, в свою очередь, с широкими горизонтами «экстраюридических» трактовок. Отсюда появляется неограниченный простор не только для академической рефлексии, но и для творчества различной профессиональной, жанровой, стилистической и прочей принадлежности.

Очерченный выше предмет – стадияльное нарастание смысловой производности «суверенитета» – ниже будет рассмотрен на основе подходов контекстуального и рефлексивного анализа (в отличие от процедур количественного характера). При этом режимы семантической деривации и образования структурированных последовательностей, с одной стороны, и произвольной комбинаторики знаковых единиц – с другой, могут расцениваться не как жестко противопоставленные семантические модели, но как чередующиеся в своей приоритетности.

Суверенитет как предмет семантической диахронии: русские исторические контексты

При всей онтологической значимости суверенитета масштабы и способы его концептуализации в истории отечественной политической мысли варьировались самым существенным образом. Идеино-историческая реконструкция темы – это, со всей очевидностью, задача, требующая специального изложения. Однако вполне уместно обратить внимание на некоторые национально-специфические стороны предмета в их ретроспекции.

Начать с того, что можно видеть некий смысловой параллелизм западноевропейского термина «суверенитет» и русского – «самодержавие». И то и другое построено в виде внутреннего дуализма, дихотомии или, точнее, дизъюнкции как соединительно-разделительного логического союза, при помощи которого сопрягаются оборачиваемые ипостаси верховенства, с одной стороны, и независимости – с другой. Такая динамичная ситуативность усугублялась тем обстоятельством, что собственно концепты суверенности в русской политической лингвокультуре не были прецедентно укоренены и аутентичных прототипов в семантике не имели.

В дореволюционной историографии было сформулировано: «Точно так же, как “суверенитет” на Западе первоначально обозначал власть независимого государства, так и у нас... соответствующим термином первоначально желали выразить независимость

Московского государя от какой-либо внешней власти. “Самодержец” вводится в титул Московского государя с Ивана III-го и является переводом с греческого “autocrator”. Этот термин (так же как, и слово “царь”) был знаком того, что Московский государь уже не признает себя данником татарского хана, что он имеет власть самостоятельную, независимую от другой власти. Только с течением времени слово “самодержец” приобретает и другой смысл: оно начинает означать не только независимость государства, но и неограниченность монархической власти» [Гурвич, 1915, с. 46]. Примечательный семантический момент: уже в Петровскую эпоху Феофан Прокопович (при всем своем подробном знакомстве с учениями Гуго Гроция и Самуэля Пуфендорфа) предпочитал пользоваться не понятием «суверенитет» и «суверен», а «маестат» (“majestas”) или «величество», имея в виду не субъектность государства, а персону монарха. «Идея государства, как юридической личности, вообще оставалась совершенно чуждой. В соответствии с этим он не делает никаких попыток приписать суверенитет государству» [Гурвич, 1915, с. 46].

В конце XIX – начале XX в. в отечественной юридической науке, как показано Е.Л. Поцелуевым, шла полемика между сторонниками теории абсолютного – единого и неделимого, относящегося только к государству в целом – суверенитета (консервативный либерал Б.Н. Чичерин и юридический позитивист Г.Ф. Шершеневич) и теории ограниченного суверенитета (социологический позитивист Н.М. Коркунов и психологический позитивист Л.И. Петражицкий) [Поцелуев, 2016]. Таким образом, в рамках академического правоведения тема суверенитета семиотической дробности не предполагала из-за доминирующего методологического этатизма и геополитических коннотаций.

Послереволюционный период применительно к проблематике суверенности был отмечен своими политико-идеологическими мотивами, связанными сначала с марксистскими идеалами отмирания государства, грезами о мировой революции, пролетарско-интернационалистским романтизмом, большевистскими представлениями о праве наций на самоопределение, реалиями национально-государственного строительства и собирания союзной федеративной государственности. Политическая система советского типа во главе с коммунистической партией не создавала в политическом мышлении каких-то предпосылок для разработки оригинальной концепции суверенитета, но при этом определяла свою динамику

«триангуляции» государственного, народного и национального образов суверенитета.

Советский подход к суверенитету строился на антиимпериалистических установках и на поддержке национально-освободительных движений. СССР инициировал международно-правовые акты (например, Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам от 14 декабря 1960 года: «...все народы имеют неотъемлемое право на полную свободу, осуществление своего суверенитета и целостность их национальной территории»¹).

Семантическая фрагментация категории «государственный суверенитет» в «буржуазных концепциях» на Западе – «относительный», «функциональный», теория «эффективности» осуществления государством своего суверенитета – расценивалась как идеологическая манипуляция с целью «оправдать противоправное вмешательство в суверенные дела иностранных государств» [Суверенитет, 1986, с. 437].

Семантические метаморфозы в тематическом поле суверенитета набирают динамику в публично-информационных процессах новейшего времени.

Начальная стадия – это «парад суверенитетов» в начале 1990-х годов. Параллельно с дезинтеграцией государственности Союза ССР скоротечно провозглашался суверенитет российских автономий. За вторую половину 1990 г. свой суверенный статус декларировали Северная Осетия, Карельская АССР, Татарстан, Удмуртия, Якутия, Бурятия, Башкирия, Калмыкия, Марийская АССР, Горно-Алтайская АО, Чечено-Ингушская АССР, Тува, Ямало-Ненецкий АО. Примечательно, что наряду с интересами региональных элит, в этих «суверенитетах» присутствует очевидной эффект семиотизации – «ознаковления», оттесняющего субстантивный референт на задний план. Это были своеобразные концептуальные образы – без набора соответствующих суверенных прерогатив и иммунитетов, без фискальной монополии, без денежной эмиссии и юрисдикций, например, без права на помилование и амнистии или на решение вопросов войны и мира, и проч. и проч.

Не следует, впрочем, сводить дело только лишь к словесным жестам в виде ельцинского «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». В этом «параде» была по-разному мотиви-

¹ Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml

рованная прагматика. Заявления о «суверенитете» были тогда ставками в политико-административном обмене, номинациями региональных притязаний, которые после октября 1993 г. стали переименовываться в терминах договорной модели федерализма и в семантике не сецессии, но разграничения предметов ведения.

Показательна реакция на происходящее со стороны публичных интеллектуалов. В. Цымбурский в 1991 г. выступил на страницах журнала «Век XX и мир» со статьей с говорящим названием «Бес независимости». Формулируя антиномию притязаний на суверенитет и империю как «пространство нормы», автор писал тогда: «Для сохранения единого “пространства нормы” ничего не может быть опаснее союза национального люмпен-пролетария с трайбалистски ориентированными священником и интеллигентом на платформе “Суверенные ценности – суверенные нормы”» [Цымбурский, 2011, с. 182].

Таким образом, постсоветский «суверенитет 1.0» артикулировался посредством концептов – концептов-переживаний.

Последовавшая далее стадия – «суверенитет 2.0» – связана со своей семантической версией слова «концепт» – концепт как событие или проявление коммуникативного поворота социогуманитарного знания, перехода от пропозиций к речевым актам.

Сказанное как нельзя к месту для характеристики концепта «суверенной демократии» и его семантической природы как события. Появившийся в российском публично-информационном поле на подступах к думскому и президентскому избирательным циклам 2007–2008 гг., он сыграл роль детонатора во взрывном расширении словоупотреблений, связанных с суверенностью.

Приоритетные авторские права на этот концепт традиционно отдаются В. Суркову. Хотя иногда усматривают прецедентные высказывания на этот счет и в словах Ж.-Ж. Руссо, и в выступлении Романо Проди в Университете Ольстера (2004), и в речи Дика Чейни в Вильнюсе (май 2006 г.). Однако протагонисты идеи эксплицитно подчеркивали, что суверенная демократия – это не калька с *sovereign democracy*, а в число соавторов самого этого доктринального начинания включают довольно широкий круг публичных интеллектуалов. «К лету 2006 года вокруг суверенной демократии консолидировалась большая часть политического класса» [Орлов, 2007, с. 6]. Масштаб и уровень концептуальных притязаний суверенной демократии достигали в тот период уровня мегаломании. Как писал А. Чадаев, это – «первая со времен распада СССР внятная

формула создаваемой в России политической системы, произнесенная от имени верховной власти» [Гараджа, 2006, с. 4].

Концепт «суверенная демократия» вызвал небывалый ажиотажный резонанс в массмедиа, стал триггером чрезвычайно широких обсуждений, породил массив публикаций. На эту тему высказались практически все фигуры из числа символической элиты страны, или, во всяком случае, абсолютно репрезентативное большинство «мыслящего класса». Характерным моментом стало и то, что многие из прозвучавших суждений содержали аллюзии к семиотической стороне вопроса. «Суверенная (и справедливая) демократия России – вот лингвистическая и сущностная формула политической философии Путина, – говорил В. Третьяков, комментируя президентское Послание 25 апреля 2005 г., – прямо не выведенная в Послании, но фактически все его пронизывающая» [Гараджа, 2006, с. 84].

Для интересов данного изложения существенное значение имеет тот факт, что разгоревшиеся дискуссии по-новому наметили вектор семантической дифференциации значений суверенности. Никита Гараджа – составитель сборника материалов «Суверенитет» (2006), заявленного как редкое событие, когда под одной обложкой оказываются статьи «крупных государственных чиновников, опытных политиков и серьезных публицистов-аналитиков», сформулировал своего рода квинтэссенцию метафизического видения предмета. «Мы суверенны, – декларировал он тогда, – в логике энергетики России как идеального внеисторического цивилизационного субъекта, включающего в себя не только момент ее актуальной истории, но и ее прошлое и будущее» [Гараджа, 2006, с. 229].

Контекстуальная фрагментация словоупотреблений применительно к суверенитету, экспоненциальное усиление частотности идиомы «суверенитет» и лексических коллокаций с ее участием – все это подчас расценивалось как своего рода конфуз или аналитическое недоразумение. «Зачастую этот термин используется в сферах, частично или полностью отличных друг от друга. Даже в случае его применения в политической и правовой науках мы часто имеем дело с совершенно разными и плохо взаимодействующими смыслами суверенитета. Не говоря уже о метафорическом заимствовании понятия “суверенитет” теми сферами знания, где оно традиционно не использовалось, – рассуждает, к примеру, Г.И. Мусихин. – В результате правоведа, политические философы, конституционные теоретики, политологи постоянно “умножают смыслы” суверенитета, наделяя его все новыми и новыми эпитетами: внутрен-

ний и внешний, *de jure* и *de facto*, позитивный и негативный, национальный, государственный, народный, правовой, территориальный, технологический, культурный, экономический, институциональный и даже расовый суверенитет... И, хотя некоторые из вышеприведенных словосочетаний образуют действительно базовое поле понимания суверенитета, массивный «натиск прилагательных» на исследуемое нами понятие безусловно усиливал (и усиливает) путаницу, связанную с осмыслением суверенитета» [Мусихин, 2010, с. 65]. Формула «натиск прилагательных» здесь выглядит ключевой, в том числе применительно к ситуации взаимозаменяемости «суверенитета» как в качестве логического и коммуникативного субъекта, так и логического и коммуникативного предиката.

Так или иначе, но дискуссии на предмет концепта «суверенная демократия» создали достаточные предпосылки, на базе которых впоследствии стало возможным появление «суверенитета 3.0».

Суверенизация символического и суверенизация субстантивного

До недавнего времени на переднем плане находилось симметричное соотношение двух проекций суверенитета, того, что В. Цымбурский называл внутренними «диадами», «семантическим двучленом» [Цымбурский, 2011, с. 21]. Эта бинарность, можно сказать, архетип, уходящий корнями в позднеевропейское Средневековье, в доктрину «двух тел короля». Помимо смертного тела «суверен обладает нетленным политическим телом», в котором «концентрируется суть суверенитета» [Музи, 2018, с. 343]; когда «Короли умирают, но Король – никогда».

Дизъюнкции суверенности представляют собой множества, не поддающиеся, вероятно, какой-то каталогизации, но могут быть иллюстрированы:

- суверенитет как принадлежность государства-института (Гуго Гроций) и суверенитет как политическая собственность монарха (Феофан Прокопович);

- субъект власти участвует в двоякого рода отношениях: «он взаимодействует, с одной стороны, со всем, что входит в сферу его власти, а с другой – с силами и субъектами, независимыми от этой власти, но точно так же признающими ее независимость от них в

этой якобы «неотъемлемо» присущей ей сфере»; «полновластие и независимость» [Цымбурский, 2011, с. 203–204];

– «разделение суверенитета на «внешний» и «внутренний» есть лишь расчленение выраженной этим концептом динамической связи между фактом власти и ее внешним признанием» [там же];

– «суверенитет режима» и «суверенитет личности» (как предпосылка «суверенитета признания») [там же];

– дилемма суверенитета: признак государственности (который не предполагает акта провозглашения) или «одна из характеристик государства, которая в той или иной мере присуща определенной стране, но никак не признак самой государственности» [Субочев, 2016, с. 20];

– две «итерации» – суверенитет «от» и суверенитет «для» [Романова, 2024].

Другая концептуальная версия суверенности возникает тогда, когда она онтологически предстает ситуативно, в виде «релятивистской сущности» и «феномена флюидного суверенитета» [Евстафьев, Межевич, 2022, с. 147]. Эрозия «ветстфальского» суверенитета сопровождалась возникновением множественных эвфемизмов «многослойный» (layered), «разделенный» (divided), «фрагментированный» или «дисагрегированный» (disaggregated), «мягкий» (softened), «исчезающий» (waning) и т.п. [Кузнецова, 2013, с. 17; Соловьев, 2015, с. 45].

Отсюда же по-новому инициированная эвристика, все больше и больше вовлекающая политико-лингвистический инструментарий. Помимо ставших привычными приемов дискурс-анализа, предложено использовать процедуры «деконтекстации» или встраивания концепта и смежных речевых единиц в семантическое облако, а далее – выявление соответствующих детерминантов (см.: [Коцур, 2023]).

Сказанное относится к процессу логической предикации по отношению к одному логическому же субъекту, к центру или прототипу, к тому, что в семантике обозначается как тема (в отличие от ремы). На новом витке «словесно-идеологического» (пользуясь упомянутым определением М.М. Бахтина) процесса происходит рассредоточение концептов суверенности и умножение тем в разных секторах и сегментах социальной реальности.

Семантическая деривация, как было отмечено в вводных замечаниях, предстает при этом не как единственный режим смыслового «расщепления» языковых единиц. О деривации в строгом значении речь следует вести применительно к наименованиям узу-

сов – привычных, иерархически организованных, формально систематизированных, и субстантивно понимаемых вещей, того, что нормативно зафиксировано в юридических и технико-организационных конструкциях. Такая версия предполагает наличие инварианта и производных радиального типа. С большой долей условности такой режим семантической производности можно поместить в контекст институционального дискурса.

При этом выстраиваются структурированные и линейные последовательности (пучки, кластеры, цепочки), где производными от государственного суверенитета становятся «суверенитеты» над территорией страны, ее внутренними водами и территориальным морем, воздушное пространство (Конституция Российской Федерации, ст. 67). То же самое, вероятно, можно усматривать в «оборонном суверенитете», «стратегическом», «ракетно-ядерном» и т.п. В перспективе кредитно-финансовых категорий это, например, все то, что характеризует главенствующую роль национальных правительств (в отличие от корпораций или муниципий). Это – «суверенные долговые обязательства», «суверенные облигации», «суверенные гарантии», «суверенные риски», «суверенный дефолт» и проч.

Так или иначе, здесь в семантическом ядре – государственный суверенитет в его субстантивных проявлениях. Тогда же, когда речь заходит о сущностях не материального порядка, о вещах, наделяющихся смыслами и выражаемых символами и другими условными именами, о ценностях, то говорить о семантической деривации в эпидигматическом, как говорилось ранее, режиме становится очень затруднительно, если возможно в принципе. В случае, когда суверенность получает предикацию в отношении духовных, ценностных, культурных и социально-лингвистических сущностей, вряд ли убедительным будет суждение о том, что в данном случае присутствует инвариант или независимая переменная, когда концептуальным ядром служит государственность как таковая, публично-властные инстанции. На авансцену при этом выдвинуты (или подразумеваются) смыслы самобытности, самостояния, самодовления, автономного духовного производства и воспроизводства.

Примечательно, что еще советская традиция правоведческой мысли ассоциировала культурно-языковые феномены не с государственным, но с национальным суверенитетом. Соответствующая дефиниция гласит: «...это реальная политическая, социальная, территориальная, культурная, языковая самостоятельность нации,

которая проявляется в полноте суверенных прав нации и обеспечивает их наиболее полное осуществление. Суверенная нация самостоятельно решает вопрос о национальной организации и национально-государственном устройстве. Она вправе сохранять и свободно развивать свой язык, обычаи, уклад жизни, соответствующие национальные учреждения» [Красинский, 2015, с. 7].

В символической и ценностной перспективах семантика суверенности фрагментируется не в режиме деривации (буквально), но окказионально (контингентно) или произвольно и искусственно. Возникающие производные приобретают идиостилистическую окраску. При этом разыгрывается коллизия экстенсионалов и интенсионалов, или – субстантивного и (отвечающего принципу референтности), с одной стороны, с другой – самозначащих слов, которые рекурсивно вызывают сами себя. И то и другое может соседствовать в одной и той же публикации, когда, например, «суверенное научное производство» и «онтологический суверенитет» разделяет печатное пространство одного-двух абзацев [Сергеев, Коктыш, 2024, с. 20].

«Суверенитеты» с предикатами культурного, языкового, мировоззренческого, мыслительного, когнитивного, нарративного, эпистимического – отнюдь не российские придумки, но концепты, широко представленные за рубежом. Не у нас в обиходе впервые появились «суверенная идентичность» [Tomer, Penn, 2021], «семиотический суверенитет» (“semiotic sovereignty”).

Возвращаясь непосредственно к предмету изложения: окказионально представленные коллокации суверенитета с ценностными и символическими сочленами не всегда выглядят как продукт авторско-индивидуального творчества. Иногда такие словосочетания возникают с притязаниями на институциональный дискурсивный статус в официально-документальных текстах. Характерен случай с ситуативной динамикой «культурного суверенитета». Здесь, по-видимому, речь идет об одном из наиболее показательных примеров когнитивной динамики концепта. На стадии, которая выше была обозначена как «1.0», суверенитет государства в области культуры в «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» (от 9 октября 1992. № 3612-1) раскрывался через дефиницию «Российская Федерация самостоятельно реализует на своей территории соглашения и иные акты, регулирующие отношения Российской Федерации в области культуры с другими государствами, объединениями государств, а также международными организациями». Иными словами, политико-правовая норма была сформулирована в

узкоспециальных юридических терминах международной правосубъектности. По прошествии трех десятилетий и в семантике «3.0» в тексте названного акта появилась юридическая новелла. В числе оснований для выработки государственной культурной политики теперь значится положение: «Ряд недружественных государств, международных организаций и транснациональных корпораций, иностранных неправительственных организаций, а также различные экстремистские и террористические организации ведут деятельность, направленную на подрыв культурного суверенитета Российской Федерации, разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в том числе способствующую обострению конфликтов в глобальном информационном пространстве». Трактовка используемых в акте понятий в свою очередь включила определение: «культурный суверенитет» – совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, быть защищенными от деструктивного идеологического и информационного воздействия, сохранять историческую память, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹.

Очевидно, что речь идет о весьма различных семантиках. В первом случае – это закрепление международно-правовых полномочий государства в одной из областей сотрудничества. Защитные коннотации здесь не подразумеваются. Напротив, новейшие политико-правовые конструкции сформулированы как агональные, направленные на предотвращение угроз. Далее, это политико-правовая норма символической природы, отправляющая охранительные и идеологические, ориентационные функции, и не предполагающая непосредственного регулирования поведения участников правоотношений. Суверенитет здесь представлен не в виде формально-юридического термина, но в виде концепта, лежащего в основе правовой политики в определенной сфере. Повторимся, с точки зрения семантики это не экстенционал, а интенционал.

¹ Указ Президента РФ от 25.01.2023 № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808» // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438209/ (дата посещения: 21.12.2024).

Было бы, однако, непродуктивно усматривать полностью замещающую роль символической суверенизации. Сегодняшняя ситуация демонстрирует стремительное восхождение субстантивных составляющих семантики суверенитета. Пространство публичных обсуждений, практики стратегического планирования, властно-управленческих решений на глазах захватывается дериватами, производными технологического суверенитета – «суверенный Интернет», «киберсуверенитет», «цифровой суверенитет», «суверенный искусственный интеллект», «суверенитет данных» ... Лавинообразно нарастает вал соответствующих публикаций в России и за рубежом, в том числе серьезной экспертной аналитики. Обзор их содержания не входит в задачи настоящего изложения. Уместно, по-видимому, ограничиться одной репрезентативной иллюстрацией.

Красноречивой иллюстрацией скоротечности концептуальных превращений концептов суверенности выглядит один медийный казус. Описывая ход дискуссии на партийном форуме «Единой России» 26 мая 2022 г. (сравнительно недавно, что существенно отметить), научный обозреватель «Независимой газеты» Андрей Ваганов делился наблюдениями: «...Дмитрий Медведев неожиданно серьезно и развернуто отреагировал на явно “проходное” популистское предложение одного из своих однопартийцев – придумать новый термин для импортозамещения. “Технологический суверенитет”, – тут же предложил зампред Совбеза... По-видимому, в данном случае словотворчество Дмитрия Медведева действительно попало в точку. То есть оно отвечает каким-то внутренним интенциям когнитивных элит ... Собственно, с этого момента термин “технологический суверенитет” и получает функционал высококонтагиозного (прилипчивого) репликанта-мема»¹. По прошествии недолгого времени, в июне 2024 г., А. Ваганов предваряет один из своих газетных материалов тезисом: «Технологический суверенитет стал в России почти национальной идеей»². Концепт, таким образом, в своем медийном восприятии переместился на высокой скорости по стилистической траектории от «мема» до «идеи». Теперь это государственная стратегическая установка, связанная с наличием критических и сквозных технологий под национальным контролем и с опорой на сотрудничество с дружественными странами.

¹ Ваганов А. Как обеспечить технологический суверенитет России // НГ-Наука. – 25 июня. – 2024. – Режим доступа: // https://www.ng.ru/nauka/2024-06-25/9_9035_russia.html (дата посещения: 21.12.2024).

² Там же.

Заключение

Учитывая скорость происходящего вокруг семантики суверенности, подступать к каким-то выводным суждениям трудно даже в приблизительном измерении. С достаточной степенью уверенности можно лишь предполагать, что концепты, начав жить своей жизнью, продолжают свое смысловое размножение и вездесущность. Пользуясь одним из новейших жаргонизмов из области массового потребления, можно сказать, что теперь это уже *маст-хэв* (*must have*) – то, что в обязательном порядке должно быть в наличии и никак иначе.

Далее, суверенность – в каком бы то ни было концептуально-семантическом статусе – будет по-прежнему ареной агональных схваток и в академических, и экспертно-аналитических форматах, но также и в публично-информационном противоборстве между непримиримыми идейными позициями. Суверенитет как политический идеал и ценность на одном полюсе будет сталкиваться с самыми что ни на есть энергичными lamentациями с другого полюса. Многие производные концепты в языке(ах) суверенности возникают и как символы, содержащие очевидные эвристические возможности и мощный мобилизующий потенциал, и как эмблемы, маркеры информационно-идеологической актуальности, нахождения «в тренде».

Наконец, концепты суверенности будут продолжать наращивать свои фреймовые структуры, распространяясь через границы семантических полей, в том числе за счет искусственного интеллекта, больших данных и многого другого, что не может быть объяснено чьими-то политическим пристрастиями и пропагандистскими интенциями.

O.B. Yanush, N.M. Mukharyamov*
Concepts of sovereignty in semantic derivation

Abstract. “Sovereignty” as a unit of language is rapidly beginning to fill a variety of semantic niches, while appearing in qualitatively different semantic statuses. Traditionally, the terminology of sovereignty is linked to its state, people’s and national versions, with the dichotomy of supremacy and independence, with the widespread

* **Yanush Olga**, Kazan State Power Engineering University (Kazan, Russia), e-mail: yanush_ob@yahoo.com; **Mukharyamov Nail**, Kazan State Power Engineering University (Kazan, Russia), e-mail: n.mukharyamov@yandex.ru

taxonomy of S. Krasner (1) internal sovereignty of public authority in interaction with society; 2) international sovereignty as an international legal principle; 3) “Westphalian” sovereignty as equality of players in international politics; 4) sovereignty of interdependence as the ability of the state to control transboundary flows). In the current public information space, nominations related to sovereignty (more broadly – the properties of sovereignty) penetrate into a wide variety of subject areas. In the so-called “extralegal” meanings and phrases – with regard to political, cultural, technological, epistemological, virtual objects – in the form of concepts, or (in contrast to terms in the strict sense) – formations with open possibilities of multiple interpretations, with expressed subjective principles. Here, new contour schemes, conceptual frames, semantic formations emerge. Numerous derivatives begin to grow from the common root prototype. Sovereignty in political-linguistic communication ceases to be perceived as something self-evident, self-referential. Concepts appearing in abundance (in contrast to legally strict categories) appear in various semantic positions, taking on reversible subject-predicate roles. Along with political and legal terms, there appear concepts-experiences, concepts-events, conventionally loaded symbols and, finally, emblems of ideological dispositions. This process of proliferation of semantic nuances and variants of word usage is marked by its stages and occurs in various modes. Semantic derivation is organized according to the rules of regularity, logically consistently, and generates hierarchical structures of derivatives in their linearity. In another version, new concepts can appear outside of a certain usage. Rather, they are characterized by sporadicity, kaleidoscopic situationality, are used outside of the generally accepted meaning, multiply rhizomatically, penetrating into contexts that seem to be unrelated to each other. Such a mode of semantic derivation is characterized as occasional, or conditioned by individual cases. Depending on this, concepts of sovereignty serve diverse purposes.

Keywords: sovereignty; concepts; derivation; usual and occasional; disjunction; extensional and intensional; symbols; emblems.

For citation: Mukharyamov N.M., Yanush O.B. Concepts of sovereignty in semantic derivation. *Political science (RU)*. 2025, N 2, P. 41–61. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.02.02>

References

- Bahtin M.M. *Questions of literature and esthetics: research from different years*. Moscow: Fiction, 1975, 506 p. (In Russ.)
- Bartelson J. Sovereignty before and after the linguistic turn. In: Alder-Nissen R., Gammeltoft-Hansen Th. (eds). *Sovereignty games. Instrumentalizing state sovereignty in Europe and beyond*. New York: Palgrave Macmillan, 2008, P. 33–46.
- Garadzha N. (ed.). *Sovereignty. Collection*. Moscow: Publishing House “Europa”, 2006, 304 p. (In Russ.)
- Girenok F. *Freedom and destiny. What have we understood thanks to the pandemic?* Moscow: Prospect, 2025, 80 p. (In Russ.)
- Gromyko A.A., Kovalev A.G., Sevostyanov P.P., Tykhvynskiy S.L. (eds). *Sovereignty*. In: *Diplomatic dictionary*. Moscow: Nauka Publishing House, 1986, 437 p. (In Russ.)

- Gurvich G.D. *"The Truth of the monarch's will" by Feofan Prokopovich and its Western European sources*. Yuryev: K. Matissen printing house, 1915, 112 p. (In Russ.)
- Evstafiev D., Mezhevich N. Competition of sovereignty models as a basis for the transition to a post-global world. *Contemporary Europe*. 2022, N 5, P. 146–159. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322050114> (In Russ.)
- Karasik V.I. *Linguistic crystallization of meaning*. Moscow: Gnosis, 2010, 351 p. (In Russ.)
- Kotsur G.V. Decontestation of the concepts of sovereignty and strategic sovereignty in the official discourses of Russia and the EU (2016–2021). *Polis. Political studies*. 2024, N 4, P. 23–36. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.03> (In Russ.)
- Krasinski V.V. State sovereignty: epistemological dimension of problem. *Sovremennoe pravo*. 2015, N 7, P. 5–11. (In Russ.)
- Krasner St.D. *Problematic sovereignty. Contested rules and political possibilities*. New York: Columbia University Press, 2001, 367 p.
- Krongauz M. *Semantics*. Moscow: Russian State Humanitarian University, 2001, 399 p. (In Russ.)
- Kuznecova E. *Elusive sovereignty: status quo versus ideology of change. Monograph*. Moscow: ARGAMAK-MEDIA, 2013, 240 p. (In Russ.)
- Muzi A. Formation of the states of the New Age. In: Eco U. (ed.). *History of the Middle Ages: encyclopedia*. Moscow: Arbis, 2018, P. 341–345. (In Russ.)
- Musikhin G. Classification of theories of sovereignty. *Social sciences and contemporary world*. 2010, N 1, P. 64–78. (In Russ.)
- Neretina S.S., Ogurcov A.P. *Concepts of political culture*. Moscow: Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2011, 279 p. (In Russ.)
- Orlov D. Political doctrine of sovereign democracy. *Sovereign democracy. From idea to doctrine*. Moscow: Europe, 2007, P. 6–11. (In Russ.)
- Potseluev E. Discussion (discourse) of sovereignty in the Russian legal science in late XIX – early XX century. *State and law*. 2016, N 12, P. 54–63. (In Russ.)
- Romanova T. The Evolution of the discourse on sovereignty and sanctions and its significance for the EU's external relations. *International trends*. 2024, N 1, P. 22–41. DOI: <https://doi.org/10.46272/IT.2024.22.1.76.6> (In Russ.)
- Sergeev V., Koktysh K. Scientific and technological progress and ontological provincialism. *International trends*. 2024, N 1, P. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2024.22.1.76.3> (In Russ.)
- Solov'ev Ye.G. Geopolitical shifts in the modern world and problems of the evolution of the concept of sovereignty. In: Tsygankov P.A. (ed.). *Russia's foreign policy in the context of global uncertainty*. Moscow: Rusains Publishing House, 2015, P. 33–53. (In Russ.)
- Stepanov Yu.S. *Concepts. The thin film of civilization*. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2007, 248 p. (In Russ.)
- Subochev V.V. Dissolution of sovereignty: theoretical approach to political and legal environment. *Legal policy and legal life*. 2016, N 2, P. 13–21. (In Russ.)
- Tomer J., Penn G. On the existential basis of self-sovereign identity and soulbond Tokens: An examination of the "Self" in the Age of Web3. *Journal of strategic innovation and sustainability*. 2021, N 17 (3), P. 1–9.

- Tsybursky V. *Conjunctures of the Earth and Time. Geopolitical and chronopolitical intellectual investigations*. Moscow: Publishing house "Europa", 2011, 372 p. (In Russ.)
- Walker N. The variety of sovereignty. In: Alder-Nissen R., Gammeltoft-Hansen Th. (eds). *Sovereignty games. Instrumentalizing state sovereignty in Europe and beyond*. New York: Palgrave Macmillan, 2008, P. 21–32.

Литература на русском языке

- Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – 506 с.
- Гиренок Ф. Свобода и судьба. Что мы поняли благодаря пандемии? – М.: Проспект, 2025. – 80 с.
- Гурвич Г.Д. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. – Юрьев: типография К. Матиссена, 1915. – 112 с.
- Евстафьев Д.Г., Межевич Н.М. Конкуренция моделей суверенитетов как основа перехода к постглобальному миру // Современная Европа. – 2022. – № 5. – С. 146–159.
- Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. – М.: Гнозис, 2010. – 351 с.
- Коцур Г.В. Деконтекстуализация концептов «суверенитет» и «стратегический суверенитет» в официальных дискурсах России и Европейского союза, 2016–2023 // Политические исследования. – 2023. – № 4. – С. 23–36.
- Красинский В.В. Государственный суверенитет: гносеологический аспект проблемы // Современное право. – 2015. – № 7. – С. 5–11.
- Кронгауз М. Семантика. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – 399 с.
- Кузнецова Е. Ускользающий суверенитет: статус-кво против идеологии перемен. Монография. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2013. – 240 с.
- Музи А. Формирование государств Нового времени // История Средневековья: энциклопедия / под ред. У. Эко. – М.: Арбис, 2018. – С. 341–345.
- Мусихин Г.И. Классификация теорий суверенитета как попытка преодоления «концептуального эгоизма» // Общественные науки и современность. – 2010. – № 1. – С. 64–78.
- Неретина С.С., Огуццов А.П. Концепты политической культуры. – М.: ИФРАН, 2011. – 279 с.
- Орлов Д. Политическая доктрина суверенной демократии // Суверенная демократия. От идеи – к доктрине. – М.: Европа, 2007. – С. 6–11.
- Поцелуев Е.Л. Обсуждение (дискурс) суверенитета в российской правовой науке в конце XIX – начале XX в. // Государство и право. – 2016. – № 12. – С. 54–63.
- Романова Т. Эволюция дискурса о суверенитете и санкциях и ее значение для внешних связей ЕС // Международные процессы. – 2024. – № 1 (22). – С. 22–41.
- Сергеев В., Коктыш К. Научно-технический прогресс и онтологический провинциализм // Международные процессы. – 2024. – № 1 (22). – С. 6–21.
- Соловьев Э.Г. Геополитические сдвиги в современном мире и проблемы эволюции концепции суверенитета // Внешняя политика России в условиях глобальной

- неопределенности / под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Издательство «Русайнс», 2015. – С. 33–53.
- Степанов Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
- Субочев В.В.* Исчезновение суверенитета: теоретический анализ политико-правовых реалий // Правовая политика и правовая жизнь. – 2016. – № 2. – С. 13–21.
- Суверенитет* // Дипломатический словарь / гл. редакция *А.А. Громыко, А.Г. Ковалев, П.П. Севостьянов, С.Л. Тихвинский*. – М.: Издательство «Наука», 1986. – 437 с.
- Суверенитет: сборник* / Н. Гараджа (сост.). – М.: Издательство «Европа», 2006. – 304 с.
- Цымбурский В.* Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные исследования. – М.: Издательство «Европа», 2011. – 372 с.